

Иманит Зведонис

Иманит  
Зведонис

Плоэма  
омолоке

*И. ЗИЕДОНИС*  
*ПОЭМА О МОЛОКЕ*



Имант Зиедонис

Поэма  
о молодке



РИГА «ЛИЕСМА» 1983

Ļ 2  
84L7  
3-596

*Imants Žiedonis*  
*POEMA PAR PIENU*  
*Rīga «Liesma» 1977*

*Перевод с латышского Людмилы Азаровой*  
*Художник Карлис Голдманис*

3  $\frac{70403-374}{M801(11)-83}$  83.4702340200

© «Liesma», 1977  
© «Liesma», 1983

*МАТЕРИ СВОЕЙ ПОСВЯЩАЮ*

## ПОЭМА НЕСКОНЧАЕМАЯ

*Мне представляется так: Зиедонис преподносит нам Книгу о сущности бытия, о человеческих достоинствах, без чего немислима культура, социальный прогресс да и само существование жизни вообще.*

*Он именует себя Ветром, проникающим в мельчайшие поры «тела человечества», он вспоминает детство, трепетность и нежность тела соседки, прижимающей его к себе, перед его глазами встает образ Мадонны, он не стыдится признания — «у меня молоко на губах не обсохло». Он именует себя Ветром, но мурашки бегут по коже, когда читаешь об обожженном горле, жаждущем молока, о судьбе пчелиной матки и шмелиной матки, о матерях, погибших в концлагере, и о матерях, зарубленных саблями несколькими столетиями прежде... увы, у нас по сей день нет вразумительного объяснения, отчего крестьянский сыр непременно девятигранен, как поется в народных песнях. Многое, многое и особо важное из культуры труда, этики земледельца мы не можем унаследовать просто потому, что не понимаем. Он именует себя Ветром, очень к лицу ему эта лирическая роль, однако сколько чисто человеческих, душевно уязвимых глубин эта мнимая*

ветреность обнаруживает в каждом из нас... Что ж, возможно, только Ветру и под силу разметать всклокоченную гриву противоречивых сегодняшних явлений, прочесть страницу книги и лист дерева «с обеих сторон — с лица и изнанки», добраться до потаенных текстов древности и прапамяти. И вернуть молодость Древу человеческому.

Свою «Поэму» Имант Зиедонис опубликовал несколько лет назад. И сразу критика признала ее значительным достижением новейшей латышской поэзии, хотя и поныне она остается «неосвоенной» и не проанализированной всесторонне. Повторяю: Зиедонис преподнес нам Книгу о сущности бытия, поэтому определение «поэма» — фиксация не жанра, а масштабности и назначения произведения. Как жанр поэма ограничена тематически и стилистически, здесь же речь идет о том, чему нет и не может быть конца. Если жизнь удержится на земле, если человек будет стремиться к жизни, а не к смерти: ведь умерщвлять, истязать других людей и живые существа, разрушать монолит культуры, препятствовать интеграции общества, засорять среду промышленными и бытовыми отходами и т. п. — означает выбор смерти не только для ближнего, но и для самого себя...

У поэмы нет начала, ибо Молоко (и с этим символом связанные ценности: материнство во всех проявлениях и величайшая миссия женщины в поддержании культуры человека и человечности вообще, соразмерность противоположностей в каждой личности, что «запрограммировано» в символе и т. д.) бесконечно.

Молоко матери человека, молоко матери быка, матери ежа... Молоко объединяет нас со всеми млекопитающими. В Англии была попытка создать искусственное молоко: изучили его состав и propor-



ции, напрасно — искусственному молоку не достаёт многих тех свойств, чем отличается и отчего незаменимо естественное. Даже всемогущая наука, оказывается, способна не на все. И тут свой реальный смысл обретает то, что в тысячелетних индийских эпосах мы считали просто глорификацией — молоко и молокотворящая Корова. В Индии в законном порядке запрещено продавать порошковое молоко для младенцев, в нём иные пропорции: употребляя искусственное молоко, человек уже в младенческом возрасте осваивает эти «иные пропорции», искусственные пропорции, и не способен к адаптации, по крайней мере, не способен занять место в мире «естественных веществ». Теряя эту мерку, человек может потерять ориентацию не только в мире вещества, последствия такого генетического взрыва могут оказаться тяжелее ядерного, который, как известно, калечит людей на протяжении нескольких поколений. Люди остро реагируют на «громкую смерть», хотя «тихая смерть» к человеку уже подкралась и наделала бед гораздо больше. Думается, Зиедонис глубоко осознал опасность именно этой «тихой смерти» и стремится обратить на это внимание нас всех, фокусируя взгляд на основу основ — унаследование важнейших духовных ценностей из поколения в поколение, а также на опасные процессы, разрушающие цельность личности, на отчуждение отдельного индивидуума от общечеловеческих идеалов.

Читая поэму, я вспомнил пятнадцатую руну финского эпоса «Калевала»: мать, почувствовав, что с её сыном случилось несчастье, не осуждает его и не отрекается от него из-за его безрассудства, громадными граблями выуживает она останки сына из реки небытия Туоны, воссоединяет части тела — половины разрубленной головы, руку, жилы — и сын

бьживаёт, начинает говорить и уходит на новые подвиги, однако уже более зрелый и более опытный.

Можно сказать, что поэма не имеет ни начала, ни конца, истоки многих мотивов ее берут начало в необозримом прошлом. В том числе в глубинах латышского фольклора. В нашем фольклоре существуют несколько десятков мифических матерей — Мать Земли, Мать Леса, Мать Нивы, Мать Молока и т. д. Зиедонис попытался слить эти столь разные образы в один, который можно было бы назвать Мать Мира.

Поэма без начала и конца сродни эпосу, даже мифу. Это может несколько озадачить читателя, однако, как известно, миф не подлежит рациональному и аналитическому толкованию, хотя каждый воспринимает его как реальность. Молоко — символ густых и богатых ассоциаций, он настолько всеобъемлющ, что осмелюсь сказать — молоко это миф, так хорошо знакомый и — необъяснимый. В этом, по-моему, сущность книги, она написана, как говорится, в открытой форме. Поэт стремится к такому широкому охвату жизни, с каким мы встречаемся или в энциклопедиях рационалистов, или в великих мифах прошлого, но при неизменном присутствии одного и того же лирического героя.

Разумеется, я говорю о тенденции, о направленности, но открытая форма именно поэтому и зовется открытой — в ней должны принимать участие все желающие, ее площадь должна быть обитаемой.

Книга читателем была встречена с большим доверием и пониманием. В свою очередь, многие критики думают, что поэму не мешало бы дополнить многими стихотворениями из других сборников Зиедониса, к месту оказались бы многие эпифании, а также отрывки из обеих частей его книги очерков

*«Курземите»... что же, будь новое издание поэмы, я готов его составить.*

*Пусть читателя это не страшит — в любой фантазии свое рациональное зерно, ибо фантазия дает нам возможность посмотреть на вещи как бы со стороны, по крайней мере увидеть — в неожиданном ракурсе. В данном случае это важно, потому что прочтение поэмы переводчицей Людмилой Азаровой — своеобразное творчество, благодаря чему поэма в переводе сохраняет всю действенность оригинала. Композиция Зиедониса — календарная последовательность, переводчица же руководствуется тематически-органическим принципом. В таком варианте поэма выигрывает, если учитывать восприятие иноязычного читателя.*

*Это все — несколько аккордов, маленький аккомпанемент к поэме перед дальней дорогой.*

*Освалдс Кравалис*

*Мать*





*Но главная в моей поэме — мать,  
Мать, мать человеческая, māte.  
И вас однажды истина пронзит.*

*Есть в мире круг, круговорот — он вечен:  
все странствия описывают круг,  
чтоб вновь к истоку, к матери вернуться.*

*Пойдешь ли за крапивницей, шмелем,  
за иволгой своею — все вернется  
к истоку, к матери. Во все концы земные  
ведут пути. Искомое искать,  
желать желаемое, убиваться  
во всем, навек недостижимым целям.  
Ты ищешь истину и постигаешь тайну,  
а это — мать человеческая, мать.*

*Что не понять, то можно ощутить —  
сквозь ток счастливого живого тела.*

*Я все давно забыл: тепло груди  
и тот родимый материнский запах.  
Но позже — в карнавалах и толпе,  
в святилищах я обостренным зрением  
невидимое видел — ту округлость  
в дыханье женском, в жесте незаметном,  
в подушке, в одуванчике — округлость.*

*Что не по разуму — на то догадка.  
Идут под вечер женщины из бани:  
мать впереди, подобно старой доброй  
квашне. Она пуста, но чудо  
таится в ней, как будто поутру  
вновь хлеба печь и хлебный дух творить.*

*За нею средняя сестра, пион цветущий,  
где в лепестковой тьме тоска ночная,  
сегодня снова распахнет окно  
и станет в ночь глядеть, и сдержит слезы.*

*За ней сестра на выданье, постарше,  
она не стерпит мужа слабака,  
и ждет сама, сама и выбирает.  
Достанется избраннику ее.*

*В глазах у Илдзе птицы луговые.  
Полюбит — так полюбит. И в лохмотьях.  
Да бархатом покажутся они.*



*И смысл и суть моей поэмы — мать.  
В младенчестве мы с млека начинаем,  
чтоб в старости вернуться к молоку  
и дольше жить. Так человек научен.*

*Глядите — мудрость в нас от молока.  
Посредственность — от скудости молочной.*

*Все оттого — и войны и убийства,  
что на земле нехватка молока.  
Жить сосунком при матери — доколе?  
Сын в мир пошел, чтоб пищу добывать.  
Беречь и возвращать — нет, не умел он,  
однако был хитрей других зверей  
и стал кормиться на земле убийством.*

*А ныне душегубство — ремесло.*

*Вот, скажем, остров, лось и человек.  
Но у меня есть десять тысяч братьев,  
и у соседа десять тысяч братьев,  
а лосей тысяча. Не поделить.*

*И порешил король: делить не надо,  
а надо сократить наполовину  
число соседских братьев, очень просто.*



*Но те не захотели умирать.  
Так началась война. Все из-за мяса.*

*А в старости, устав в кровопролитьях,  
шрам на лице да орден на груди —  
седой вояка к матери вернулся,  
и врач ему лекарство прописал:  
парное молоко и мед пчелиный.*

*Седой вояка к матери вернулся  
за молоком.*

*У матери ни орденов, ни славы.  
Всю жизнь траву таскала по охалке  
с обочины, с опушки да с болотца.  
Мать собрала на стол — домашний сыр  
и масло свежесбитое, и сливки.  
— Ешь. А к зиме у нас теленок будет.*

*Сын думал — это благодарность, знак.  
Он матери помог сберечь корову  
тем, что убил несчетное число  
коров в иной земле, в иных селеньях.  
А мать? Мать, дура старая, сказала:  
— Как хорошо, ты дома. Не убий.  
Да, мать стара, ей не понять, откуда.  
Виной всему однообразный труд,  
ум деревенский как бы ограничен.*

*Привыкла разговаривать с коровой,  
с собакой, со щавелевым листком  
и мелкоцветной розой у порога.*

*Вояка же рассчитывал на масло.*



*Вернее, вот начало поэмы —  
у меня молоко на губах не обсохло.  
Я не чувствовал себя виноватым,  
и меня побили.*

*Они закололи олениху,  
из сосков еще молоко сочилось,  
выше сил моих было есть это мясо,  
и меня побили.*

*Причащаются верующие,  
они соучастники, общий их долг —  
на крови, из-за крови,  
ради крови Иисуса.*

*Объявляет вендетта  
кровомщение кровообращением.*

*Я говорю о молочном братстве,  
я сознаю ответственность  
за своих побратимов молочных.*

*Молокосос-мальчишка в мир является  
чистым,  
ему хвастаться перед миром нечем,  
у него молоко на губах не обсохло —  
молокосос.*

*Молокосос уцепился и держится —  
чист еще материнским достоинством,  
честен еще материнской честностью:  
— Назови старушку эту каргой!  
Назови, назови! —  
А он — не может.  
Молокосос.*



*Давным-давно заметил я ее —  
младенческая первая догадка  
о чем-то, что скрывают от меня.*

*Она была, как озеро, красива —  
соседка. И, бывало, поиграть  
своими пальцами мне позволяла.*

*И я гадал, а вдруг она мне мать,  
Мать, та, что дома баловать не стала б,  
возможно, я чуть-чуть ей надоел.  
Соседка — та сажала на колени  
и позволяла пальцами играть.*

*Я как репей цеплялся за нее  
(своих детей соседка не имела).  
Сидел я на коленях, как в гнезде,  
и чувствовал тепло груди затылком.*

*И нравилось мне, как она дышала,  
однажды показалось мне — тону,  
почудилась бездонная трясина,  
где клюквенные кочки, зыбкий мох,  
и в страхе я за юбку ухватился.*

*Но снова затвердел ее живот  
и выдохнул меня в мой мир обратно.  
И я уснул, как в лодке золотой,  
для верности за палец ухватившись.*

*Я после песни пел и сочинял  
мелодию и ритм — и все о лодках.*

*...Лети, лодочка, по волнам  
к дочери хлебопашца...*

*Откуда эта песня? Я не знал,  
из забвения, прапамяти, из детства,  
моя, ее? Так и осталось тайной.*



*Да, это, понял я, была мадонна.  
Я совершил открытие не первый.  
Увидел на картине богоматерь  
с младенцем на руках и ореолом  
вкруг головы... И мой затылок вспомнил  
тепло ее груди. Да, я узнал.  
Глядел на холст, глядел на эту руку,  
почти как у соседки, думал я,  
прекрасны были пальцы у мадонны.*

*Соседка уезжала навсегда.  
И где-то у порога на прощанье  
прижала крепко голову мою,  
так что теперь я чувствую всей кожей*

*глубинное тепло ее бедра,  
Минули годы, это повторилось.  
(Но это все совсем другой рассказ.)*

*А бабушка, когда закрылась дверь,  
не то себе, не то всем нам сказала:  
— Добром она не кончит: всякий с ложкой  
в кадушку с маслом — так и норовит.*

*Зачем я вам рассказываю это?*

*Потом я много раз встречал ее,  
но мельком, каждый раз в ином обличье.  
Прекрасны были губы и глаза,  
но тяжело, с трудом она ступала,  
и я страдал — нет крыльев у нее.  
То вдруг явилась в платье мотыльковом  
с походкой скрипки. Но в какой-то миг  
душа ее заржала как кобыла.  
Оторопел я и метнулся прочь.*

*Что с ними? Будто у звезды, у каждой,  
своя ущербность. Та на перекрестках  
поизносилась. Эта все пеклась,  
чтоб грудь была высокой, но дышала  
с трудом и сипло. Мертвенность румян  
на стертых и заплесневелых плитах!*

*Я знал ее — отрывочно и дробно,  
и не было ни времени, ни сил  
сложить осколки. Но жила догадка,  
что целое на свете существует.*

Незримый знак  
достоинства  
и силы







*Я встретил осенью ее на рынке.  
Базар осенний — полная корзина  
сухого солнца и пахучих яблок.  
В одно мгновенье я узнал ее,  
незримый знак достоинства и силы.  
Бывают деревенские дома,  
с порога вам внушающие веру.  
Все — прочно, связно верно и не зыбко.*

*И с детских лет надежности печать  
на человеке, что отсюда родом,  
умеет он не путаться в ногах  
и на ноги другим не наступает.*

*Я понял все по одному движенью,  
она, усевшись, провела рукой  
по сборкам и застежкам — все ль в  
порядке,  
мгновенное касанье — боже мой! —*

*шепнул я и от радости внезапной  
и чистой вдруг невольно рассмеялся.*

*Я стал ходить за нею по пятам,  
шаги ее и жесты повторяя.*

*Мы с нею встали в очередь за квасом,  
пластинки покупали и расческу,  
потом ботинки (но кому? мужские?).  
Я принялся внимательно считать  
ее покупки (да, зачем тетради?),  
и вдруг в душе, на дне, возникла боль.  
С ней были нитью связаны одной  
чужие, незнакомые мне люди.  
Ах, вечно так — слепой подле слепого,  
и у нее, наверно, свой слепец!*

*Но вдруг, мой взгляд почувствовав  
затылком,  
она заторопилась. Я за ней.*

*Какой магнит влечет ее домой,  
кто ждет — возникнет легкая походка,  
засветится во тьме льняная прядь,  
кто приковал невидимую цепью  
какой-то лучик от ее сиянья  
к свекольной борозде и к очагу,*

к корыту, что, визжа, болтушки просит?  
Пора, пора! Торопится она  
и убыстряет шаг. Я поспеваю.  
Скорей — и вот она среди своих  
очнулась на автобусной стоянке  
и, дух переведя, метнула взгляд  
из-под ресниц, и тихо прошептала,  
как будто про себя: — Ну глупый, глупый...

И я стоял в сторонке неподвижно,  
пока автобус скрылся. Городок  
булыжным цветом цвел и цветом сливы,  
и башня церкви устремилась ввысь  
в такую бездну, что щемило сердце.  
Всех тянет вниз, к земле: струится дождь,  
гвоздь падает из рук, с макушки волос,  
внизу в лощине иволга кричит,  
а ласточка ей в небе вторит эхом.

И долго я стоял, смотрел на шпиль,  
угадывал, как зной ползет по меди.  
Кузнечики трещали меж камней,  
а в поднебесье, в сини плавал ястреб.  
— Эй! Здравствуй, друг! По золотым  
полям  
ползет автобус.

— Ну и что такого?

— Да ничего.

Но все же с высоты

приметь тот путь, тот дом, запомни,

сколько

друзей в доме и на дворе собак.

Все это прошлой осенью случилось.

И ястреб мне рассказывал всю зиму.



В чащобе Ригведы я встретил святого,  
избранника — так пожелала корова.

Была она властною дочерью божьей  
и стала коровою прекрасноюкожей.

Зачем, я не понял всего до конца,  
наверное, чтоб обольстить мудреца.

Ни встарь, ни теперь не находят ответа,  
сплошная загадка история эта:

и там полубоги — и там полулюди,  
и был их союз необычен и чуден:

сын матери смертной — век краток

его,

коль мать божество — то и сын

божество.

*Его молоком одаряла корова,  
он жертвовал небу и млеко и слово.*

*Священной коровы достойный удел  
в том уединенье святой разглядел.  
Он книги творил, а она молоко,  
желанья его узнавала легко  
и волю его исполняла мгновенно —  
священна корова и благословенна.*

*(О Индра, мне тоже корову такую!  
Поддай мне надежду, живу и тоскую!)*

*Случилось, что кончилась божья охота,  
служители Индры скакали с болота —  
могучие васы. А с ними их жены:  
— Чья это корова?*

*И взгляд пораженный.*

*Ответил старейший на все их расспросы:  
— В сосках той коровы небесные росы,  
не знает, кто пил это дивное млеко,  
ни зла, ни завиды, ни боли от века.*

*Молочную струйку губами лови —  
и юность вовек не погаснет в крови.*

*Пустилась одна из супругов в рассужденья:  
— Не мне, я небесного происхожденья,  
и я обойдусь, но подруге, товарке —  
мечтает она о подобном подарке.*

*(О Индра,  
неужто с поспешностью рабьей  
ты, светоч,  
потворствуешь прихоти бабьей?)*

*Но муж ее Дьяус преглупую речь  
прервал: — О, корову ту должно беречь  
и к вздорным словам относиться сурово!  
Потомок Варуны — владелец коровы,  
достоинейший ришу, мудрейший поэт,  
отшельник. И в силе высокий запрет —  
никто ему зла причинить не посмеет.  
Молчи же! Он дар необычный имеет.  
Он видит, что есть. А что было, он знает.  
И знанье в единое слово сгущает.  
Хранит, собирает и пестует свет.  
Кто тронет его — тем прощенья нет.*

*(О Индра, непрочно под небом житье,  
надеялся я на признанье твое.)  
Но как ни рядили, но как ни карали —  
коварные васы корову украли.*

*(Ты слуг своих разумом, Индра,  
обидел...  
Несчастье случилось, я это предвидел.)*

*И праведный гнев овладел мудрецом,  
он молвил бесстрашно и с темным лицом:  
— Вы воры, вы скверна, отныне и впредь  
вам мною в бессмертье отказано — смерть!  
Вы заново в мире — пусть будет наука —  
у матери смертной родитесь — и в муках.  
С невечною кровью в невечной пыли —  
ты смертным придешь — и исчезнешь  
с земли...*

*Мой разум к подобному чуду готов:  
рождались от ветра, богов и коров*

*и там полубоги — и там полулюди,  
и был их союз необычен и чуден:  
сын матери смертной — век краток  
его,  
коль мать божество — то и сын  
божество.*

*Но не потому я внимал изумленно  
словам: полубог полетел с полутрона.  
Нет, только одно говорило о чуде —  
богов — стихотворец — свергает и судит.  
Кто дал ему право великой досады?  
Молчанье. Лишь вечностью —  
«Упанишады»,  
что тот стихотворец в лесу сочинил,  
но тайны своей до конца не раскрыл.*

*(О Индра, родиться бы от дуновенья,  
от ветра: я помню свое назначенье —*



*сквозь лес человеческий —  
в чащу дерев,  
где копят и пестуют мудрость. Да гнев  
и к полувладыкам и к полубогам.  
О, будь мне, Корова,  
Хранящую —  
там.*



*Что значит — в городе захотеть молока? —  
Измученного узника в тюрьме Тары.  
Как Брут, грубо работает Брутто,  
Нетто — всего лишь среднее разбавленное.  
Не то я хочу.  
Не то.*



*Dikte — в древней древности — дочь,  
с корнем действия diht —  
доющая, доярка, dihtar, дочка, дочь.*

*Dukte пьет молоко,  
mlk, malko, млеко  
из соска коровьего, из кувшина.*

*Древнерусское мълзти — сбивать масло,  
старославянское млѣсти — доить,  
у сербов муза — дойная корова.*

*Andža, Andžs — имена латышские,  
anktan — прусское масло,  
потрескивает на камне санскритское  
жертвенное масло — andžija.*

*Санскритская древняя ašva  
жеребенка кормит молоком у литовцев,  
прусское молоко кобылье — asvinan.*

*А санскритский конь ašvas  
растворился в безвестье,  
но остались следы и знаки:*

*острый, быстрый,  
в латышских говорах ašvis  
непоседа, сорвиголова — aštrs.*

*Что это все означает?  
Вероятно, природа  
доверяет женской линии  
и хранит имена ее, не позволяя остыть.*

*Мать, māte, mütter,  
mater — вечное слово.*



*И ястреб мне рассказывал всю зиму.*

*Water*





*Я хочу молока!  
Материя, пообещай сохранить  
мать!  
Мадонна Земля, пообещай сберечь  
Мадонну — мою мать.  
Пусть в Земгале моя мать муравьиной  
снует.  
Земля, пощади мою мать жемайтийку.*

*Радуйся, брат мой, Лиго уже у ворот.  
Бей, Янис, в медные барабаны, сохрани,  
Земля, мою мать индианку и всех  
моих меньших и младших в одуванчиках  
млечных, в молочае,  
напои молоком!  
обожжено мое горло окислами,  
напои молоком!*



*Матерь Яниса:*

*Матерь siegi — сыр творила,  
круглый с девятью углами.*

*Что ни слово, то загадка  
в этой древней-древней дайне.*

*Матерь Яниса спросил я:  
почему их ровно девять?*

*Матерь Яниса сказала:  
отчего и не припомню.*

*Может, ведают литовки,  
ведь у них такой же sīrgis.*

*Мать литовская сказала:  
только пруссы знают тайну.*

*Матерь пруссов знала тайну.  
Но ни слова не сказала,  
не промолвила ни слова  
мать, пронзенная мечом.*



*Мать Пчел:*

*И когда наступает срок,  
и я, молочка напившись, взлетаю,  
ввинчиваясь в небеса,  
трутни гонятся тучей за мною  
и умирают на первой версте.  
Род трутней хлипок,  
а мне нужны крепкие дети.  
На высоте двух километров  
осталось всего лишь четыре трутня.  
Выше лететь мне нельзя:  
их хватит инфаркт,  
они осыпаются с неба,  
и я останусь одна.  
Нет, выше лететь мне нельзя,  
осталось четыре сильнейших,  
а из сильнейших сильнейший  
один.*

*Мой первый мускул,  
мой первый мускул глотания помнит  
усилие первое — первый глоток молока.  
Усилие — кричу от голода,  
усилие — кричу от страха.  
Материнская грудь меня научила —  
желать.*





*Соседская мать:*

*Соседская мать захворала,  
родных у нее не осталось,  
одна корова,  
пришла пора прощаться с коровой.  
Соседка медлила, не могла, и все тут.  
не сдавала, не продавала.  
Нигде, никогда, никого  
она в своей жизни не предавала.*



*Мать с детьми от многих мужей:*

*Все они  
родились в свободной любви  
от меня,  
от матери — осмелившейся.  
Я выбрала в этом мире  
лучшее, что есть у него —  
детей. Мужья —  
зануды и трусы, их нужно носить на  
руках.  
Единственное что умеют —  
зажигать бенгальский огонь.*

О Земля, защити  
мать — единую вечную цель,  
куда летят все пули, все стрелы,  
куда идут все искатели.  
Кто ушел от матери  
в мир на поиски счастья,  
на край света пришел, обогнул, вернулся  
и снова нашел и открыл  
мать  
и ничто другое.



*Матерь Шмелей:*

отработают лето свое шмелиные дети  
и улетают пастись в садах неземных.  
Скорчись, свернись клубочком  
и сохрани в глубине тепло:  
весной  
ты кладку начнешь, не раньше,  
весной, не раньше.  
Мать на свете живет не дольше, чем  
дети.  
Матерь Шмелей живет еще одну  
жизнь —  
зиму.

*Земля, когда ты тонула,  
мы нашли спасение в матери.  
Мать — Ноев ковчег,  
откуда мы снова выйдем и землю заселим  
после грядущих потопов.*



*Мать — Узница концлагеря:  
В холодном поту на студеном ветру  
метался огонь.  
В последнем жару последним  
движеньем  
от ветра свечу заслонила  
чья-то ладонь.  
И все они умерли, все, и в бараке  
на сквозняке мы остались вдвоем —  
я и свеча. И я не посмела уйти  
и себя перевозмочь.*

*Мать не смеет уйти  
до того, как умрет фитиль.  
Вечно бодрствуют у свечи  
Мать и Ночь.*

*Апрель*





*земля в дымке  
в весеннем тумане  
жаворонок тянет  
травину к солнцу*

*в земле по уши  
в пару в прели  
апрель  
я живо одежду навыворот  
(вовнутрь пуговицы)*

*такой вот оборотень-выворотень  
изнутри на пуговицах  
оборачиваюсь оглядываюсь  
земля в дымке*

*такой вот шиворот-навыворот  
озираюсь опминаюсь  
земля в дымке  
в синеве в тумане*

*круг по пашне трактор  
круг по небу солнце  
искры в струе студеной в трубе медной  
да в очках (бабушка семенит по тропинке)*

*оборачиваюсь  
гляжу земля поворачивается  
пласт земной переворачивается  
а я снаружи да с изнанки*

*я поворот  
и земля оборот  
и я снаружи  
да с изнанки*



*Я шел за ней по пятам.  
Я шел на запах  
березовых веников  
и мелкий смешок  
липовых желтых соцветий.  
Я понял здоровье камня.  
Стоял он огромный и сильный  
у самой обочины  
и гудел, как положено камню гудеть.  
В росе. Во ржи.*



*Я шел в чужую дверь бесцеремонно,  
но к ней — я постучаться не посмел.  
Воды испить, да есть еще причины,  
ну, скажем, предложил бы развести  
воздушные сады и огороды,  
росла бы свекла прямо в облаках  
и тыквы плавали, как цеппелины.  
Пообещал бы здесь же во дворе  
построить башню в три дубовых двери  
и смотровыми люками — в безбрежность,  
в охотничьи угодья, птичьи дебри,  
в медовый мир и лютиковый луг,  
и в междуречье Тигра и Евфрата...*

*Я б для нее развел мышей летучих  
и сов с их полуночным интеллектом...*

*Настал четвертый день, а я все медлил,  
не мог набраться духу и войти  
в калитку.  
Клонился пятый день к черте. Под вечер  
земля вдруг, встрепенувшись, застонала.  
Я шел. И солнце било мне в глаза.*



*В этом доме жили они вдвоем.  
Старый Кюрвис в деревянном сарайчике  
плел корзину.  
— Добрый вечер! — Добрый вечер!  
Аннеле дома...*

*У порога стоял мотоцикл.  
Я боком сел на сиденье,  
прислонился спиной  
к бревенчатой старой стене.  
Садились солнце.  
Внизу у пруда стояла банька.*

*Я мог бы там поселиться.  
В предбанник — охапку сена,  
нет, лучше соломы,  
и возле оконца  
какой-нибудь ветхий стол,  
чтоб писать.*

*Она не выходила.  
Я в дверь постучал, никакого ответа.  
Кюрвис промолвил: — А вы идите-ка  
в дом.*

*Я вошел, постучал  
в другую дверь,  
но никто не вышел на стук.  
Я сел на старый стул за старый стол  
и написал ей письмо.*

*Появился Кюрвис и сообщил:  
— Она спит.  
Спит в такую прекрасную ночь.  
Сегодня именины у Милды, Милдин день,  
завтра Валя, а позавчера был Клавс.*

*Кюрвис был, как говорится, с приветом  
и учил наизусть календарь.*



*Брат гложет кость, и шкурою сестра  
кичится. Ни забыть, ни обмануться.  
Мне шепчет одиночество — пора  
другого одиночества коснуться.*

*Уткнуться бы лохматой головой  
тебе в колени, как надежно зелье.  
На древний запах мяты луговой  
душа свое откроет подземелье.*

*Да — лют. Да — зверь. Но где-то в  
тайнике  
смиранный нрав за потаенной дверью.  
Шепнет твоя рука моей руке:  
я верю.*



*Никого я так не любил, ни малину тонкую  
рано-рано утром на птичьей заре.*

*Шапки пионов и вишневые аллеи,  
вересковая дымка и вечерний туман.  
Аминь, Аннеле! Ты навстречу мне —  
дверь.  
Ты мне навстречу — дверь золотая.*



*Мать, я за нею шел. Ни разу в жизни  
я не бывал в земле так глубоко.  
Той глубины мне не могли поведать  
могила и картофельная яма.  
Я был в подземной тьме, где дети спят.*

Муравой  
брели коровы





*Весна пришла, нарядна и чиста,  
как праздник, и невольно мы смутились,  
на всех еще рабочая одежда,  
ладони перепачканы, а пес  
весь в вылинявших клочьях зимней шерсти.  
Мы растерялись, кто же виноват —  
мы иль весна, возникшая внезапно.*

*Красота, сказал старый учитель,  
должна заставить нас врасплох  
и создавать как бы чувство  
неловкости.*



*Весна, как неожиданно нагрянувшая сваха,  
девушки бегут наряжаться.  
Только трактористы и ухом не ведут,  
едут по одуванчикам, как по желтой грязи,  
сорванная кожа черемухи  
к гусенице прицепилась.  
Дикарское племя  
из джунглей техники.*



*Илдзе застигнуть врасплох?  
Как бы не так: она заметила издали —  
с полотенцем белым в руках поутру  
смотрела она на скворца,  
будто это письмо  
с признаньем в любви.*

*Когда твердили все: обождем,  
она возражала: выйдем навстречу.*



*Только Каспар медлил, как ясень, листьев не гнал. Знал ли он, что в вечернем лесу распевают дрозды? Что зеленой хрустальной вазой сверкает береза? Что у озера... да, это он слышал: лягухи.*



*Весна, повторяю, уже наступила, черемуха расцвела, и Алина стоит в навозных калошах рядом с черемухой — плачет. Ничем не могу помочь, красота беспощадна, когда подходит вплотную и становится рядом.*



*Мотылек —  
это подвижный небесный цветок,  
ему не сидится, цветет на лету,  
утверждает Илдзе.*







*У бабушки сломалась  
швейная машинка «Зингер».*



*Из земли полезла крапива, сказала Ундине.  
Отлично.  
Наконец найдется цветок —  
одарить  
это чучело — Илмара.*



*О чем вы тут все толкуете?  
Мы внизу копошимся, не видим,  
как верхушки елей цветут, и дивимся —  
шишки на голову валятся.  
Права Аннеле, права Аннеле.*



*Утром  
я увидал соловья.  
Не пела птица,  
сидела в черемухе тихо,  
как вода пролитая.*

*Ночь пролилась,  
не вычерпать ночь,  
а роса вечерняя  
не родилась на свет.*



*Я вышел из дому,  
уговорился с мизинцем своим,  
что начну свою жизнь сначала —  
    словно жаворонок  
стану радоваться — я серый:  
    гляди, все вокруг серое,  
и только потом проклюнется зелень.*

## НА ФЕРМЕ

*У белой речки — белоручки? —  
спросил и прикусил язык.  
Не миновать ответной взбучки  
и поделом — подумал вмиг.*

*И вправду — эта брови хмурит,  
у той насмешливый прищур:  
— У нас всяк дурень балагурит  
и ловит дур на каламбур.*

*Винюсь. Не шут неисправимый,  
я странник с просьбою простой:  
пустите на ночь пилигрима,  
а если можно — на постой.*

*Я с вашим стадом буду ладить.  
— Как? Здесь? На ферме?*

*— Я готов.*

*Люблю телячьи уши гладить,  
люблю мычание коров.*

*С достоинством жуют коровы,  
с достоинством трава растет.  
Другой покой под этим кровом,  
другой у времени отсчет.*

— Что, на постой — и вся забота?

— Нет, таково житье-бытье:

у каждого своя работа,  
вы за свое, я за свое.

— Вы некурящий?

— Некурящий.

— В сарае сено, целый воз.

— Поэт? И вправду? Настоящий?

Ах, девочки, какой курьез!  
Сбежал ли из дому, бедняга,  
или прогнали чудака?  
И налегке, одна отвага,  
ни рюкзака, ни узелка.

/Курьез, каламбуры... Пусть вас не удивляют иностранные слова на ферме. Режиссер Фелицита Эртнере однажды рассказала — в двадцатые годы она приехала погостить в деревню, вышла утром во двор, видит — деваха моет и трет молочные бидоны. Молодая актриса, пытаясь завязать разговор, произносит: — Покажется ли солнце сегодня? Ни ясно, ни пасмурно. — Да, странное освещение, как у Леонардо да Винчи, — отвечает деваха./

*Ведут в сарай. И в звездном блеске  
заметней блеск смешливых глаз.  
— Не хуже, чем пастух библейский,  
вы заночуете у нас.*

*И дарит светом небывалым  
тяжелый бабушкин сундук,  
расправит крылья покрывало,  
цветное, пестрое, как луг.*

*И как за пазухой у бога —  
я в колыбели травяной.  
И запах сена у порога,  
медвяный, пряный дух земной.*

*Я  
засыпаю...*



*Муравой брели коровы,  
в мураве роса светилась.  
Сбросив белую рубаху,  
пело утреннее солнце.*

*Пробудились зубья вил,  
визг проснулся поросячий,  
утром ноздри щекотал  
свежий чистый дух навоза.  
Облаку вцепившись в гриву,  
ветер в небо ускакал.  
...Я подумал — это счастье,  
нечто робкое, худое,  
но оно нальется силой  
в мире запахов земных.*

*Здесь душу запахи питают  
Здесь, где дорожка муравья,  
пчелы тропинка золотая,  
нам душу запахи питают,  
и с жизнью рядом жизнь иная,  
мир обостренного чутья,  
здесь душу запахи питают,  
здесь души запахов витают.*



*Илдзе мне пишет письма.  
— Но только о деле, — предупредил я.  
— Разумеется, только о деле.*

*Сарке*, Краснуха — светло-красная. Как засохшая хвоя. Вдруг заискрится — вспыхнет. То подумаю о горящей плите, то на дом оглянусь. Нет, все в порядке. Только выжжена солнцем мурава на дворе. Краснокожесть этой коровы почему-то тревожит.

*Вабуле*, Жучиха — корова ночи, королева ночи, черная. Ей к лицу серебро. Будь я маркизой, я приглашала бы ее на званые ужины и стояла бы рядом в вечернем бархатном платье.

*Звайгала*. Звездчатка — с белым пятном на лбу. Звезды — общая наша болезнь. Чем меньше имеем мы на земле, тем сильнее тянемся к звездам. У звездчатки во лбу Жерар Филип.

*Слауне*, Славная — с белым пятном у хвоста. В ней что-то от воскресенья: с весельем, с велосипедами и ветром в спицах. Светлый глоток вина — светлая пестрина в душе.

*Бриедала*, Олениха — бродильная сила в этом имени. Седая, как старая учительница, и я всегда перед нею теряюсь. Почему, и сама не знаю, для нее выбираю свеклу получше. Других коров я могу поглядить. А эту боюсь. Так и хочется сделать книксен.

*Думала*, Дымка — дымно-бурая, будто кофе. Гляжу, и торжествующие мысли приходят в голову. Ведь мы можем накормить всю огромную эту страну. И детей чужеземных. И странников. И все обязательства, что мы подписали, давным-давно угаданы в латышской старинной дайне: масло складывала горкой да сырами подпирала.



*Зимала* — в имени этом слышится «знак, знамение» — у нее белые уши. А мать — чернуха. Белых нарциссов она нанюхалась? О боже, как чутко настрожены две белые каллы. Будто вот-вот их преподнесут некоему черному президенту некоего африканского государства.

*Райбала*, Рябуха — стоит в хлеву, как перепутанная карта мира. Даже вымя в пестринах, в рябинах, три соска черные, один белый. А молоко во всех четырех одинаково белое. Получается, что мировая политика к молоку отношения не имеет.



*Одна-единственная у меня коровушка,  
Муравеюшкой нарекла ее, Муравушкой.  
Я свою коровушку берегла,  
муравьиным именем нарекла.*

*Л а т ы ш . н а р . п е с н я*

*Как окрестим тебя, коровушка,  
кровинушка?*

*Цибиня, Цистерниня?  
Цеберите, Цеталиня?*

*Маружа уверяет: имя должно быть  
с долгим и,  
чем длиннее, тем лучше: Вигриезе,  
Вибанте —  
так струя молока звенит в подойнике.*

*И остерегаться зудящих ссс и ззз,  
корова шарахнется, как от слепня.*

*И ни в коем случае  
не давать имя вязкое, имя дряблое,  
слово плюхающееся, ляпающееся,  
булькающее.*

*Иначе закупорит молочные жилы,  
будто глиной  
залепит корову.*



*Яна просила вчера научить ее  
хлебы печь.*

*Детям очень хочется свежее испеченного  
домашнего хлеба с медом.*

*Почему только детям,  
возражает тракторист Волдис.  
Я бы тоже не прочь,  
только кто испечет.*



*Елки-палки, возмущается Эйдис,  
Нет ни одной больше девушки,  
у которой в песеннике  
засушенный листик  
полынного божьего дерева.  
Стали божье дерево величать туей  
и разводить для изгородей какую-то там  
альчу.*



*Говорят, возле ислицкой мельницы  
изловили щуку — четыре метра.  
Что ж, я верю.  
Вчера я увидел, как Айна Петеру  
пыль пускала в глаза,  
пока тот не заблудился в ее коридоре,  
будто нечистый попутал.  
Трактор стоит во дворе  
и сам по себе ни с места.  
Ничего удивительного,  
если в мельничном пруду заведутся  
подлодки.*



*Лежат у мельниц жернова,  
в небесный свод уставив око.  
Дробь дятла в мире, стук и рокот,  
так возникают жернова.  
Вздыхает Рудис: трын-трава,  
жизнь коротка да вышла боком.  
В небесный свод уставив око,  
лежат у мельниц жернова.*

Сегодня  
будем ловить  
облака





*Свекольные листья —  
большие талантливые уши —  
слушают солнце.  
Но приказано расти в толщину!  
Мать всего живого, Толщина-Толстуха,  
погладь по голове и меня.*



*Не ленив ливень, хлещет,  
да все исходит пустым паром.  
Будто отец-бродяжка  
заявляется к детям  
однажды в месяц,  
ну любить, ну баловать.*





*Картофель цветет.  
Но клубень, живущий во тьме,  
не увидит своих детей никогда.  
Быть может, и мы  
живем не земле как кроты?*



*Цветок картофеля —  
незабудка моей матери.  
Взмокшая лошадь борозду гонит  
в цветнике моей матери,  
и отец мой  
плуг натаскивает.*

*Все они  
картошкины дочери:  
Айна, Инесе, моя Аннеле.*

*Семейство пасленовых.*

*Вроде обычный цветок, да нет.  
Зацветая,  
и завязь завязывает.*

*Узелки, клубеньки, картофелинки.*



*У Милды один разговор,  
одно на уме — консервные крышки.  
В обозримом пространстве  
все законсервировано.*

*Мы с Рудисом у магазина  
пьем пиво,*

*а мимо топает Милдин Янис.*

*Иди сюда к лейбористам, говорит*

*Тылтиньш,*

*пока твоя консерваторша  
тебя не стерилизовала.*





*В колхозной столовой  
растет в горшке огромная мирта.  
По вечнозеленой веточке  
ломай не хочу.  
А судомойка ворчит:  
все медлят, тягомотину тянут,  
скоро колхоз, как бурьяном, миртами  
зарастет.*



*Старуха родоначальница  
изучает невестку:  
и варить ловка,  
и печь горазда,  
и стол накрывает  
с цветочком в вазе.*

*Пообедала  
и на речку купаться.  
А посуду мыть?*

*Экое прилежание,  
как у животинки, молвит старуха.  
До живота, не дальше.*



*Смотрю, как Алина моет подошники,  
и думаю: ведь она и сама —  
человек очень чистый.*

*Здесь, где чисто цветет земляника  
и в болоте белый багульник,  
а красивейшее из яблок  
белый налив —  
здесь немислимо затхлое  
полотенце.*



*Она и так уж была вроде драной козы.  
А он ей возьми и снова  
голову расшиби.  
— И откуда такие люди берутся? —  
поежилась Илдзе.*

*— Они не работники, все оттого! —  
сказал старый учитель.*

*— Они здесь не сеяли,  
оттого и заблудились.*

*Единственная веха,  
чтоб не сбиться с пути —  
дело, что сделал ты сам.*

*Они заблудились во ржи,  
посеянной кем-то другим,  
оттого что у них здесь нет  
своих опознавательных знаков.*



*Говорят, латыши скуповаты.*

*Ты трудилась, мать, ты скупилась?  
Работа твоя копилась — окупилась?  
Кто вырастит дерево, вынянчит,  
тот не вытопчет.*

*Маружа говорит:*

*Я телушек погоняла  
хворостинкой ивовою,  
прут березовый не тронула,  
рощи братиной не тратила.*



*Паулине за пятьдесят.*

*Время отавы.*

*Внутри — цветы и травы, и в пору самой —  
охапкой в копну.*

*Говорит:*

*косарю своему*

*не только рубаху белую,*

*белую душу отдала бы.*



*— Сегодня, — Аннеле я сообщаю, —  
будем ловить облака.*

*Только нужно связать хорошую сеть.*

*Вечером*

*ты приходи пораньше.*

*— Да, но куда мы их денем? —  
усмехается Аннеле.*

*Некуда деть облака —*

*невероятно,*

*такого случиться не может.*



*Все — бегом и сломя голову,  
только жаворонок в небе недвижим:  
вот какие дела  
вот какие дела  
у отца моего  
серебряное сверло  
серебряное сверло  
серебряное*

*И камешком вверх:  
выдолблю выдолблю мельничку  
выдолблю небесную мельничку*

*И камешком вниз:  
долото уронил  
долото уронил*

*Бесхитростна птаха!  
Мы ведь тоже горазды  
строить небесную мельничку,  
но, обронив долото,  
не признаемся, талдычим:  
выдолбим, выстроим мельничку!*

*А когда за дело пора,  
двое-трое долбят,*



*двадцать три рогозя торчком торчат —  
и хором:  
выстроим мельничку!  
выстроим мельничку!*



*Слушаю голос кукушки —  
вечная песенка.*

*Он:*

*кыш высиживать  
кыш высиживать*

*Она:*

*а кому куковать  
а кому куковать*

*Эмансипация — в певички выбилась,  
да осталась  
в отсталых.*



*Только дикий голубь кручинится:  
старайся не старайся —  
у курицы выводок, а у меня раз-два  
и обчелся.*

*Ленив и гнезда не построишь,  
горстка хвороста — вот и высиживай.*

*Строит гнезда поселок,  
роскошные,  
только писка птенцов не слышно.*

— Потому что холодные задницы, —  
заявляет Рудис.  
— Видишь ли, пока самка в гнезде, самец  
ей приносит еду.  
— А ты сможешь чего раздобыть, пока я  
стану высиживать, —  
осведомляется Айна.

*Рудис молчит и думает: ну и стерва.  
Самое время теперь объявить  
во всеуслышанье — сколько лежит  
на книжке.*



*Ласточки как конторщицы,  
все сосчитают,  
все видно в окно конторы:  
курица насиживает три недели,  
гусыня — четыре,  
а я девять дней и девять ночей,  
отрежьте язык, коли вру!*

*Кассирша тоже всегда в курсе:  
Зелтынь строит теплицу,  
Зелтухов не пьет, вшили ампулу,  
Зелштейн — золото, не человек:  
зубной врачихе достал  
импортную бормашину.*

*Только я раздаю тут  
вонючие бумажонки,  
хочется чего-то возвышенного,  
чтоб на широкую ногу,  
как в Монако или в Грузии, ей-богу.*



*До краев полна Земгале.  
Черный кот крадется  
по капустному полю,  
зеленый капустный лист  
ненароком хватает его,  
и кочан захлопывается.  
Был кот и нет его.*

*Пришелся я тебе по сердцу, Аннеле?  
Улыбается Аннеле: закрой окно,  
мотыльки летят и бьются о лампу.*

Семьи  
как длинные  
лодки





*И вправду, если уж мы — игла,  
то дети — острые иглы.  
А старые люди — игольное ушко,  
куда вдевается нитка.*

*Какого черта пытаться исправить мир,  
штопать жизнь и ставить заплаты,  
какого черта колоть понапрасну этот  
белый свет,  
если в игольное ушко нитка не вдеа.*



*Бабушка?  
Вот рука, бабушка — большой палец.  
Ни тарелку поставить на стол,  
ни посуду помыть*

без большого пальца.  
Ни кружку взять,  
ни воды напиться  
без большого пальца.  
Попробуй ножницы ухватить  
и скроить подвенечное платье  
или саван холицовый  
без большого пальца.  
Дедушка тоже большой палец.  
Куда взберется мальчишка без большого  
пальца?  
Как узнает, зачем топор — без большого  
пальца?  
Как покажет кукиш?



Семьи как длинные лодки в лагунах  
вечности,  
Жизнь одного человека — коротышка ялик  
в своей скоротечности.  
Когда в одинокой лодке поколение одно —  
на дно.  
Семьи, как длинные лыжи, несут  
человечество  
по бесконечным снегам бытия в небытие  
и снова — в младенчество.









*На хуторе «Дагли» две одуревшие мухи.  
Мотоцикл гоняют.  
Старухи померли,  
отдыхают в сырой землице.  
Большие деньги оставили —  
в долларах!  
Вот раздобудут такого, как Кеннеди,  
чтоб пацаны рождались  
с пробором на левую сторону.*



*А «Тупениши» — «Бульбочки» — всем  
хутором  
подались в город.  
Теперь именуются корнеплодами.  
Квартира тесная,  
детей отложили на следующую пятилетку.  
А здесь в старом доме  
стекла повыбиты.*

*В покинутом бабкином сеннике  
что-то шевелится,  
куница жилище устроила.  
Куницы простодушны по-прежнему,  
эмансипация им неведома.*



*Зато процветают «Бриедиши».  
Выгоняют розы в теплице  
и везут на рынок.  
У Милды вечно руки в царапинах,  
так и кажется —  
и наследника принесет  
в терновом венце.*



*Гундар пьет Гурджани,  
говорят, неплохое вино,  
тянет с утра до вечера.  
Сухое.  
Кислуха.*

*Телячье пошло.  
Жена ничего.  
Подходящая.  
Оба — пара что надо.  
Только девчонки рождаются  
убогонькие.  
Соседи усмеваются: — Это не от Гундара,  
это от Гурджани.*



*На хуторе «Межмики» дети  
бледны и вялы,  
весной они никогда не едали зелени.  
Щавель годится только скотине, уверяет  
отец.  
Ревень-кислятина не для детей, вторит  
мать.  
Ни цветочка весной в «Межмиках»  
для детей.*



*А Румбенис пребывает в уверенности,  
что дитя с малолетства  
надо учить на мастера;  
всю зарплату  
он тратит на покупку часов,  
мальчишки  
загоняют гвозди в будильники; ничего,  
позже это окупится.*



*Только что родился Кришьянис Петерс!*

*Родился. Родился в своем времени и  
своевременно. Вовремя родился, папорот-  
ник еще не расцвел. Скрипел во ржи коро-  
стель, и ворочался в бочке огонь, и капала  
смоль на траву.*

*Вдруг чей-то крик раздался, и все обер-  
нулись вмиг — каждый в другую сторону,  
всяк ждал увидеть иное: тот — на белом  
коне, тот в ежовой шубке; все живое жило  
в эту ночь: пузыри стонали в бидоне, ля-*

гушки, надувшись, пели круглые песни под толстым зеленым пологом.

Вскрикнули петли чулочных застежек, и ойкнул стежок, но было темно, и цвета не разобрать.

Одно было ясно — что-то случится.

Тут пень из пламени подал голос, и метнулся язык изо рта, вот-вот сложится слово, но какое — еще неизвестно.

По гравию кто-то к морю шел, и чайка встревоженно взмыла с камня, взглянул я в ту сторону — никого; мы продолжали праздновать Янову ночь — Лиго!

Но роза оторвалась от корня с коротким стоном, и зазвенела в колодце вода. Кто-то встал и промолвил, что хочет пить.

Мы держались вблизи костра, на расстоянии светящего пламени. Ждали обещанного.

Обещали — придет. Останется с нами. И будет есть наше. И тесно прижмется плечом, еще теснее.

Верхушка огня — как верхушка ели, только еще подвижнее: не от ветра вьется, а сама по себе.

Кто-то бросил в угли пивную кружку, кто-то сыра кусок, и, повинувшись голосу предков, мы стали кидать подношения в

жертвенный пламень, что получше. У кого что нашлось: шапку, заколку, нож, очки, пудерницу. Я бросил в огонь носовой платок, пропитавшийся в муравейнике муравьиным спиртом.

И Янис в угли швырнул золотое кольцо, и голос возник из огня: да воздастся тебе.

И родился у Яниса сын. Не видел никто, но весть прилетела, что он родился уже и с именем Кришьянис.

Он родился своевременно и в свое время. Современником. С нами ему жить.

Он пришел, как в Янову ночь Яновы дети приходят. И будет встречать здесь Яновы зори. И все дети Петерисов и все дети Микелисов будут неподалеку. На расстоянии летящего семени.

Перевертыш—  
ветер,  
ветер-оборотень  
Je







*вечер словно лягушка  
в лучах заката  
пруд и затишье  
зелено свято*

*возьмешь яблоко  
возьмешь камень  
земля отчизна  
коснись руками*

*огромные дали  
от птичьего звона  
до земли где мышонок  
да в мешке поросенок*

*огромная близость  
мать и тихие речи  
зеленеет и зреет  
чуть согбенны плечи*

*банный вечер  
связь пара и духа  
не подвести не оступиться  
шепчу я глухо*



*Не затвердели ржаные колосья,  
а сойки уже верещат в орешнике.  
Современные птицы не теряют времени,  
до поры долбят скорлупу.*

*Вот у нас был сосед,  
вспоминает Лизе,  
ни за что не мог докормить свинью,  
до срока — глядишь и прирезал.*



*Горько флоксы цветут. Ранним утром  
захожу я в школу, дверь не заперта,  
и пахнет свежей краской.*

*Куст и стопка книг у окна,  
здесь живет молодая учительница.*

*Вчера все окно занавешивали  
нанизанные на нитку лисички,  
сегодня их нет, кто-то ввалился в проем,  
словно дождь в паутину —  
колышет ветер обрывки нитей,  
а у бархатца под окном  
голова с плеч.*

*(Я встал слишком рано  
и не должен был этого видеть.)*

*Поднимется солнце повыше, она  
проснется,  
кофе заварит  
и снова заткнет окно.*

*Скоро с каникул учителя вернутся,  
и безмолвие кончится.  
Незнакомые девушки  
пахнут подосиновиками.*



*«Похоже, Даце в эту ночь родит...» —  
она сказала — будто между прочим  
воткнула мошку в небо между звезд.  
Но те слова из той возникли глуби,  
где все темнее, бархатистой, мягче,  
чем эта ночь. И я молчал, опешив.*

*Покой густел. Тяжелою рябиной,  
кузнечиками — это тоже тишь.  
Ведь все в ночи способствует покою.  
Мы ждали — тоже были тишиной.*

*«Похоже, Даце в эту ночь родит...»  
И вновь другая мысль подспудно зрела:  
«Ты из иного мира шел  
и в мир другой вернешься».*

*Так ельники березу вытесняют,  
ни свой я на опушке, ни чужой,  
ни тот и ни другой. Здесь сиднем камень  
сидит, и рвется жаворонок ввысь,  
здесь пахнет в праздник вянущей березой,  
и ива здесь печалится от века,  
цветок наивный здесь «разбитым сердцем»  
зовут, а я все так же —  
ни свой и ни чужой.*

*Я в этом мире зеленом по уговору, хотел  
остаться, чтоб яблоням быть опорой, пусть  
дни мои — во ржи, в овсе, как все, как  
все, с заботою — мясом и хлебом, с думой  
о пашне и ниве под небом,*

**но МОЛОКО**

*собрать хотел я воедино,  
как ленту, что записана в прапамяти,  
но временем разорвана, разъята,  
Собрать от каждого по лоскутку,  
по малости, по запаху, по звуку  
и по забытым колдовским словам.*

*Все это — песнь, она неизмерима,  
молитва предков в ней о наших душах,  
урок мудрейший:*

*кормит мать дитя  
свое, она покормит и чужое,  
и хватит молока.*

*А для Земли*

*и возвращенье молока,*

*и воскресение —*

*спасение.*

*Да, в каждом сохранился  
обрывок древней песни молока.  
Когда услышишь эту песню,  
в себе самом ищи тот отголосок.*

Но сено вдруг зашуршало, она спросила:  
— И будет лето твое спокойным, как наше?  
Не потревожит дорога и березовый ветер?  
Жасмин по ночам станет роптать на судьбу,  
мол, в саду ему тесно.  
И ты как ни в чем не бывало и хладнокровно  
будешь слушать далекий смех вечеринки?  
И останешься дома? А если нет, то вернешься?  
И знакома ль тебе вообще дорога  
назад?  
— Да, я знаю эту дорогу.  
— Ну нет, ты ж не веришь, что облако  
пятится.

— Нет, я не пух на ветру!  
— Разумеется, ты и удар против ветра.  
Но все равно — против ветра или по ветру —  
ты от ветра зависишь.

Мы же стоим на ветру и выстоим,  
мы выстоим, что он для нас  
ничего не стоит.  
Мы его не замечаем, для нас  
он только воздух пустой.  
Он нас не тревожит, не будоражит во сне,  
не жалуется и не жалуется.  
Он для нас, словно камень,  
туман или снег,  
или огонь в плите.

— Нет, ветер — нечто совсем другое. . .

— Ах, глупости! Ветер,  
как приятель назойливый, вечно —  
только мы сядем спокойно  
есть свой хлеб и спокойно  
пить молоко, и спокойно  
станем ложиться спать,  
вечно он тут как тут.

И только он свистнет под самым окном,  
ты вскочишь. А я не из тех,  
кто упрашивает, чтобы остался.

Кто с ветром водится,  
в доме моем не заводится.  
Не по мне вертопрахи, ветрогоны,  
ветрословы, ветреники.

— Нет, ветер — нечто совсем другое.

— Другое, да. У тебя золотое блюдо. Все равно,  
пустое ли, полное ли, но золотое,  
из него ты ешь.

— Я ем и лягушачью икру из канавы,  
и хлеб из рук прокаженного. Не блюдо,  
мой язык из золота,  
из золота горло — поет, кричит и стонет,  
из золота скверна и брань.  
Но я покоя ищу. . .



— Здесь покой, но не твой. Мой  
покой и чей-то еще. Ветер  
станет покоем? Пене  
в водовороте понятен покой?

— Ты станешь моей плотиной.  
Я стану спокойным озером  
с тихим зеркалом и огромною силой.

— Зачем?  
Зачем мне быть скалою в зубах потока?  
Если я долина в садах,  
где дети спокойны и хлеб  
спокойно растет.

В ту ночь о ветре мы больше не говорили.  
Молчала ночь. И пахло зреющим ячменем,  
горела рябина так сильно, что вдруг сквозь темень  
обрушилась горечь дубовой корой на меня.

И было слышно: луковица  
разрывает землю с треском.

— Не уходи отсюда, — сказала мне тьма, —  
не оставшись здесь.

Я жаждал покоя, как сосновая шишка, избитая  
ветром.



*Она опускает голову ниже  
и упрямо твердит:  
такова жизнь.*

*Господи боже, она забывает  
по вечерам поклоняться звездам.  
Она не желает из светлого звездного  
миллиарда  
выбрать единственную.*

*О боже, рубите себе свекольные листья  
в свином корыте,  
но не забудьте — вслушайтесь: ветер  
запах втянул и чихает,  
вокруг и рядом  
все живет жизнью ветра,  
и волшебно играет солнечный луч  
в поросычьей щетине.*

*И вдруг вы заметите:  
осина вас дразнит,  
на ветру язык наизнанку.*

*Угасающая головешка  
вдруг тренькнет, как мандолина:  
может, где-то плачет  
старая дева.*

*Мчится крыша куда-то ни свет ни заря,  
окликают кого-то дверные петли,  
о небо, нужно жестокосердым быть,  
чтоб не слышать птиц,  
горящих в плите!*

*Но Аннеле забывает  
по вечерам о поклонении звездам.  
И твердит: такова жизнь.*



*К солнцу деревья привыкли,  
солнце добродушно,  
добродетельно солнце,  
солнце видит лист с лицевой стороны.  
Чему удивляться,  
если деревья тревожит и радует  
приближение ветра?*

*Ветер читает лист  
с обеих сторон, с лица и изнанки.  
Ветер обнажает потаенные страсти,  
инакомыслие,*

*ветер раздувает  
дерево, как угасший костер.  
После нашествия ветра  
деревья выглядят  
много моложе.*



*Подкладочно-изнаночный ветер,  
перевертыш-ветер, ветер-оборотень,  
подоло-юбочный вихрь.*

*Даже крот в подземелье  
мех оглаживает  
и сетует, что запорошило глаза.*

*Вероятно, и солнце в море  
на гребень вздымается и падает в бездну —  
восходит, заходит.*



*Спокойное поле ржаное разбушевалося.*

*Это искусство —  
бег души на месте.*

*Природа учит нас непостижимому —  
бегу на месте,  
так можно достичь невероятной скорости.*



*Ясно одно — не существует пустого  
воздуха,  
воздух насыщен, полон до краев.  
Ясно одно — березы движутся  
с огромной скоростью,  
недоступной нашему глазу.  
Доказательство этому —  
глубокий гул, от дубов исходящий.  
А когда пробегает липа мимо меня,  
за ней остается  
безвоздушный клочок пространства  
и обугленная пчела.*

*Застегнись, Аннеле, на все пуговицы  
и петли,  
мы здесь останемся,  
пока нас не выдует из одежды.  
Гляди, ветер вырывает душу из облаков  
и швыряет о землю,  
и высекает огонь.  
Застегнись, Аннеле, чтобы из нас  
не выдуло  
наши молнии.*



*Ни малейших сомнений —  
верхушка древа свободна и может взлететь.  
Нам только чудится,  
что повторяются ее движения.*

*Неповторимо тонок ветровой отпечаток  
трехсот восьми ветвей,  
трех миллионов хвоинок —  
бег по ветру.*



*Земля мертва, земля — труха и пыль  
без ветра. Кличет вихрь и заваруху.  
Сдувает ветер с ветвей и сушь и гниль.  
И на липучку загоняет муху.*

*Смерть мухам. Но захватывает дух,  
с пыльцой цветочной пыль несовместима.  
Увешан мир липучками для мух.  
Дрожит цветок от страха. Ветер — мимо.*

*— Ты снова смотришь мимо, — молвит  
Аннеле.*



*— Бабушкины слова, — сказала Аннеле:  
«Мы в ответе за коромысло от плеча  
до плеча,  
за воду от ведра до ведра».*

*Пусть жизнь тебя птичьим поит молоком!  
Мы ответим за малую жизнь,  
ты за большую ответишь!*



*Сохранить, сохранить, сохранить  
эту жизнь круговую и нить!*

*Превращаются в облако тина и грязь,  
Проливается облако, не утолясь.  
Из меня — из сосны  
где-то вырастет дом  
и забудет меня, и не вспомнит потом.*

*Сохранить, сохранить, сохранить  
эту землю живую и нить.*



*Как медный колокол, вечер  
над желтым стожком ячменя.  
Нет слов и выразить нечем,  
что ты — для меня.*

*А в Латвии осень, стреляет горохом,  
капустный смеркается лист.  
Шов лопнет у сливы, мрак ляжет  
со вздохом.*



приснится мне Валдемарпилс.  
А в Латвии осень, и в сердце теснится,  
цикады печально звенят.  
Как будто я конь, на съеденье лисицам  
в ночное пригнали меня.  
Но есть еще время валяться в тумане  
и тихо бубнить в полутьме.  
И кто-то мне теплую руку протянет,  
и сахар достанется мне.

Тот белый туман, тот туман над  
бескрайней,  
над далью — чью прячет вину?  
И месяц багрян. Как в преданьях  
и дайнах —  
где братья идут на войну.  
Где ночью сиротку уводят сторожко,  
в безлунье уводят к венцу.  
И Лайма торит светлячком ей дорожку  
к крыльцу, к крыльцу...

Умолкли кузнечики, травы росисты,  
и ночь почернела, как пес.  
Звезда загорелась, и, видно, нечистый  
болотами свечку унес.  
Мне зябко.  
И время ко сну и прощаться,  
звезда над сараем бледна.  
И нет никого, о, кому бы признаться,

*как мне бесконечность страшна. ..  
Богата земля моя! Что ж среди ночи  
стою, как бедняк, под луной.  
Смешной, оробелый, дурной. И хохочет  
душистый табак надо мной.*



*Так пугающе ясен зеленый покой,  
за холмом поворот.  
Эта петля дороги и вечер такой,  
он за горло берет.*

*Так мучительно чист  
этот тающий зов  
и пестра светотень.  
Вот стрекочет комбайн меж ячменных усов  
и глотает ячмень.  
Чей-то дом и веранда. И вспомнилось  
вдруг,  
что забыто давно.  
Сели стулья пустые за стол в полукруг,  
попивают вино.*





*Ели вырезаны из черной бумаги  
и наклеены на небеса.  
Месяц вырезан  
из желтой бумаги  
и наклеен на небеса.*

*Вечер такой,  
что деревья  
шелохнуться не смеют:  
Чего доброго спугнешь летучую мышь,  
и та, всполошившись,  
налетит на звезду.*



*Мимо идет тыквеноч.  
Куда? — я спрашиваю.  
Он в ответ: я и так все лето  
проторчал на навозной куче.*



*Илдзе прислала письмо.*

«Запах яблок возник у порога.  
Под стрехой потянуло медом.  
У крыльца повеяло мятой.

Нос задрался к небу и обнаружил  
луну, большую и круглую.  
И объявилась мысль:  
пора бы замуж.

Ухо слышало все:  
стук упавшего яблока,  
молитву вечернюю иволги  
и всю ночь сторожило  
чьи-то шаги».



*Низко по краешку сентября  
запустил я тыкву с одной подачи  
прямо в левый угол,  
но понял — на той стороне  
принять некому.*



*Смерти ли знак, увядания знак —  
нет ни намек в седой паутине.  
Буйствует жизнь, ей привольно и так —  
в дегте мушином  
и в чертовой тине.*

*Облако смехом заходится. Сам  
облачно я бы смеялся, беспечно.  
Алый художник бредет по лесам  
с алой рябиновой гроздьёю навстречу.*

*У муравья и душа латыша —  
в небо пешком. Невесомо касанье  
хвои, не чувствует смерти душа,  
нет ни пророчества ни предсказанья.*

*Месяц, дурачась, затывквал на пса,  
пес от восторга завел по-собачьи.  
Смех мне, и только.  
Но вдруг в небесах —  
знак. Соберусь.  
И уйду.  
И заплачу.*

Прекрасный уж  
с ушами  
золотыми







*У Маружи, говорят, корова заколдованная.  
Маружа сама колдунья.  
Маружа из ума выжившая старуха.  
Маружа ведьма.*

*У Маружи ни гроша за душой.  
Но у Маружи корова зато —  
ни зимой в хлеву умещается,  
ни летом в загоне.*

*— Нелегко живется, если деньга  
больше кошелька? — спрашиваю я  
у Маружи.*

*— Большие деньга, — говорит Маружа, —  
И не разменять.*



Я знаю заговор: «Ручьем, речкой в мой подойничек, а к чужачке синей пеною». Я многого не просила: дай мне один пузырь-пузыречек.

Я знаю заговор: «Ведьма скачет по волне, медный якорь на спине. С усадьбы да с подворья — мое, не чужое, мое, не чужое; с хлева, с выгона, со взгорья — мое, не чужое». Я многого не просила: пусть течет молочко, пузырьками пузырьнется.

*от тебя ко мне один пузырек  
кольнет иголкой  
вспыхнет огонь под днищем котла  
пробьет колокол*

*в небо я пузырьком поднимусь  
не путешествовать  
стану я облаком средь облаков  
паствушествовать*

*лужей лужицею прольюсь  
в лядины  
скоро придет огонь вершить  
прощение и простины*

*прах пыль тлен твердь  
ком земляной да камень  
небо небушко жизнь гудит  
в крови пузырьками*



*А у дедушки цветок на козырьке,  
сердце бьется  
карамелькою в кульке,  
а на пальце божья коровка сидит и ни  
с места:  
божья коровка, где моя невеста?*

*Третий день в поля везут навоз,  
по уши в навоз коровник врос.  
божья коровка, лети за облака,  
принеси мне меду да молока!*

*В черных пятнах тāgīte — священная  
печать.*

*Ты куда, коровка божья,  
хоронить,  
крестить,  
венчать?*

Ты Mr,  
Ты Māraḥ — умерщвляющая,  
Мара — ветвь смерти, Мара —  
мерть!  
Бревно рухнуло и придавило беднягу  
возле свежего сруба, исходит он  
кровоавою рвотой /а земля в цвету,  
в буйстве!/  
Жена средь коряг на росчисти  
волчицею воет,  
нечистого призывает:  
упеки Мару в пекло,  
ниспошли Маре мор!  
Но никто не властен над нею —  
двуединой, в ней червь и завязь,  
конец и начало.

Мелет, мелет мелея —  
в море черная змея.  
Мельню вспять не повернуть.  
Мертвым в мир заказан путь.

Под корнями, над траввою  
мертвым смерть, живым живое.  
И подсолнух золотой  
над ребячьей головой.



Ука корове своей цветы-цветики сыплет в корыто,  
чтоб угодить Покровительнице молока.

Ика в коровьей бадье кочергою мешает сердито —  
будет корова, как прорва, другим ни глотка.

Ика взяла и шириной рога повязала корове,  
пусть о быке ей напомнит коровья тоска.

Ука своей — головастика, ешь на здоровье,  
чтобы искала быка, ведь не ищет, лентяйка, быка.

Ика в коровнике крутится да не теряет надежды,  
кличет соседскую девушку кровь с молоком.

Девка, в чем мать родила, на солому швыряет  
одежды,  
и тело ей лижет корова шершавым своим языком.

Сядут зимою в сугроб — а примета такая:  
глубже проталина — телка, помельче — бычок.  
Ряженым смех и забава, девчонок в сугробы  
толкают,

Ика проталину греет — сидит, и молчок.

Ука впервые свою перводоенку доит,  
чтоб раздоить — сквозь кольцо обручальное первый  
удой.

Ика молозиво выльет в ручей и смешает с водою,  
будет корова ведерница, но у нее у одной.

Она одна не завидует, Она одна не ведмачит,  
холит своих и светло на соседского смотрит телка:  
— Мне б не худую скотинку, соседям еще побогаче,  
пусть так велит Покровительница молока.



И ликом к лицу встает полнолуние, и быть греху.  
И входит старуха, в хлеву рассыпает бобовую шелуху.

*Ночью приснился  
кувшин с водою —  
к здоровью.*

Везет громовержец немецкую падаль, телегою грохоча.  
Старик, встрепенувшись, берет топорик  
и рубит плеча.

*Снилась комната  
в цветочном убранстве —  
к пожару.*

Старшая дочка в полном цвету, средняя в полном  
цвету.  
Младшая — та всего лишь бутон, но выбор падет  
на ту.

*Снилось — кто-то чужой  
на ходулях шел по снегам —  
жить средь людей студеных.*

И девушки с луга приносят в коровник охапки трав,  
корове дают подмаренник и клевер, желание загадав.

*Звезды снятся —  
бобы уродятся.*

Бросай венок, бросай поясок, бросай  
в стремнину с моста!  
Сыпь деньги на свадьбе, сыпь в середку  
расстеленного холста!

*Приснится месяц —  
родится сын;  
приснится, что ешь огурцы —  
напрасные хлопоты.*

Кует кузнец на земле и на небе, дятел кует  
неспроста.  
Сыпь деньги в могилу, сыпь в домовину,  
чтоб ночью бродить не стал.

*Во сне молоко покупала —  
с детьми согласие.*

Мне Маружа, как уголек притихший в пепле,  
в вечерней мгле.  
Чушь? Разумеется, чушь. Но — вспыхни,  
вспыхни уголь в золе!

Бред? Разумеется, бред. Шутовство.  
Но метлы  
шуршат у стены.  
Я бы спросил. Но спросить у кого?  
Все ведьмы  
давно сожжены.





А злыдни все копят завиду, все шито и крыто.  
Порог — и Первуха, споткнувшись, ломает копыто.  
А Вторушка — прыг через ров, вот свернула бы шею.  
Вдруг вымя огнем — у Середки, спасла ворожея.

Что это — ест землю и жерди грызет Четверица.  
Пятену все водят к быку, а не станет телиться.  
И только Шестуха здорова, надейся на милость.  
Так нет же — схватила картоху побольше и враз подавилась.

И, видно, недоля не в силах к добру измениться.  
Пришло воскресенье, и кровью мочится Седмица.  
Я в хлев — и откуда — торчком заржавелый гвоздище.  
Все злыдни — злокозны творят. И напасти нас ищут.



*В той островерхой хижине из стройных  
стволов еловых — глинобитный пол,  
а посреди горшок, зарытый в землю.  
Там, вдалеке, жилища и поля,  
и росчисти. Здесь дрем и моховина.  
Безлюдье.*

*Ружа здесь варила зелье.*

*Забрел однажды в эту глухомань  
монах немецкий с библией, с распятым,  
глядит: коровье вымя уж сосет.  
Схватил потолще сук, перекрестился  
и странного ужа убил на месте.*

*Да, было так. Однако непонятно,  
как Ружа все узнала в тот же миг.  
И, выбежав из хижины еловой,  
в отчаянье она заголосила:  
«О Матерь Молока, о Матерь Млека!»  
И молоко из мертвого ужа  
сочилось, тотчас впитываясь в землю.  
Прекрасный уж с ушами золотыми...*

*И вопль раздался в дальнем поселенье:  
«Беда! Убили Матерь Молока!»*

*И как набат во времена иные  
от леса к лесу плыли голоса.  
Немудрено, была в общине каждой  
хранительница черного ужа.  
И плакальщицы к Руже потекли,  
и вопленницы влажною травною  
ужа кропили, горько причитая.*

*Своей коровы Ружа не держала,  
но ведала молочным колдовством:  
ей стоило ножом горшка коснуться —  
и выползали жабы и ужи  
из нор, щелей, укрытий и подполиц  
и срыгивали в глиняный горшок,  
что высосали у коров окрестных.  
У Ружи было молока — залейся.*

*А монах в святой Рим написал донесение:*

*...Первые из литвинов, что были встречены мною, поклонялись змѣям /приручали их/, каждый глава семьи держал в жилище змею, кормил ее и, когда она в сене кольцом свивалась, пожертвования приносил.*

*Монахи многому чему научились: скажем, жаб подбрасывать на дощечке, словно качели дощечка, на одном конце жаба, хватя камнем с размаху по другому концу, летит божья тварь к небу и плюхается на землю, и — мокрое место. И в землю впитывается молоко.*

*И писали монахи в Рим:*

...Этот иноязычный народ, нелюдь, ненемцы, и поныне поклоняются идолам, обожествляют солнце, луну, звезды, огонь, воду, реки, почитают богами ужей и мерзких жаб, кои даже при беглом взгляде всего-навсего тучные вздутые твари. Стоит их расшибить о землю или раздавить, из тела их молока вытекает премного.

*Во время войны офицеры немецкие ели за нашим столом, пили наше молоко, и насытившись, расслабляли ремни и пускали ветры, нам, детям, было так стыдно, нам, детям, никогда ничего подобного не позволяли, а у них, как оказалось, это в обычае.*

*Нетрудно представить, и немецкие рыцари во время застолья портили воздух. И монахи, разумеется. И писали в Рим:*

Ужи были ручные и смирные... даже дети играли с ними... И спали они в колыбелях детских и ели вместе с детьми из одной плошки.

*Их в ярость привел чужой непостижимый закон чистоты. Поначалу они убивали ужей и рубили священные липы, потом приступили к сожжению ведьм. Но тайна осталась тайной. И писали монахи в Рим:*

...известно доподлинно, что ужи и жабы сосут у коров молоко, но в секрете колдовское искусство, когда по велению приручителя своего несут они молоко в горшок, собирают, охраняют и отдают.

*Сотворение  
молока*





*Мглу молока, как мглу тумана,  
люблю и с детства к ней привык.  
Но изумлен иным и странным —  
небесным млеком мой язык.*



*В царстве скатерти-самобранки  
ни колбасных нив, ни ветчинных гор,  
только мед и молоко.*

*В этом сказочном изобилии —  
некая целенаправленность,  
вероятно, в нем сама суть.*





*Сотворение молока,  
возникновение,  
не просто явление в мир молока.*

*Мать — распахнуты очи во тьму —  
мать творит молоко.  
Это так,  
будто думает неотступно, как ребенок  
будет одет изнутри.*

*Будет ли сыт:*

*пусть не вырастет сын мой обжорой  
пусть довольствуется немногими  
женщинами  
в этом мире*

*дай боже одной  
пусть не обирает  
всех женщин в своей округе  
у всех матерей сыновья  
всем нужны  
чистые жены*

*Будет ли крепок:*

*пусть не стыдится  
спросить в кабаке  
стакан молока*

*смельчак заходит в корчму  
и молвит  
мне материнский напиток  
Будет ли совестлив:  
пусть ему иногда доведется в жизни  
опустить глаза*



*Силинь слушал сводку известий, ему не  
терпится поговорить о войне.  
Я подумал: все мировые проблемы можно  
решать здесь же на свиноферме.*

*Что за беда, что за напасть,  
если одним поросенком больше,  
чем сосков у матери.*

*1) Отвергнутый, отторгнутый, ото-  
щавший, отставший в росте, он об-  
речен стать нытиком, он завистник  
и сплетник: свинья, он говорит, она  
меня не признает своим ребенком,  
о тех двенадцати горлохватах  
и говорить не приходится,  
единственное утешение —  
их зарежут первыми.*

2) *Эту дюжину самому и зарезать!  
Отравить соски, пусть сосут и  
дохнут! Своих обожравшихся  
братьев увидеть дохлятиной...  
Растет суперсвин. Жестокость  
рождает жестокость.  
Растет свин Геринг.*

3) *Он ничего не может, он в этом  
мире лишний и осмеянья до-  
стоин, он страшится любого нор-  
мального поросенка, он сми-  
рился и верит в свою неполно-  
ценность.*

*Если же каждый день рождается лишний  
и ему не хватает соска —*

*кто в ответе?*

*Свинья возлежит преспокойно,  
будто про тринадцатого знать не знает.  
Двенадцать братьев, налопавшись, первыми  
лезут в троллейбус.*

*Одна из трех бед:  
завистник, садист или нытик,  
мещанин, фашист или раб.*

*Должна же найтись свинья,  
что другим законам обучена  
и кормит тринадцатых.*

*В этом Мире Главного Мяса  
за себя испуленно борется  
главная заповедь —  
закон молока.*



*Божья коровка  
обитает в небесном коровнике,  
о подойнике слыхом не слыхивала.*

*На привязи в земном хлеву  
тень ее,  
молоко творящая.*



*А если вспомнить и признаться —  
я не умел пасти коров.*

*Чего бы им слепней бояться,  
так нет же, с ревом через ров,*

*задравши хвост, не зная броду,  
то зной, то пыль, слепень, репей...*

*Не понимал я — от природы  
не ямб им свойствен, а хорей.*

*Я их гонял, я лез из кожи  
в бессильной злобе на слепня.  
Они не гневались, похоже,  
они дивились на меня.*

*И падал я ничком на травы,  
гудела подо мной земля —  
они меня жалели, право,  
как бы родимое теля.*

*И тут мне впрок пошла наука,  
пускай их — я махнул рукой,  
И кончилась пастушья мука.  
Смолк кнут. И наступил покой.*

*Смолк пес. Пасутся на свободе  
и щиплют клевер и пырей.  
Я наконец-то внял природе —  
не ямб им свойствен, а хорей.*



*Песни пели, перепели,  
Бычью песню позабыли;  
Пойте, девки, бычью песню,  
Молоком отдаст коровушка.*

*тот нежный зверь  
в ноздрях дразнящий ветер  
исчез? следов цепочка пролегла*

*что крикнул кол  
что нож ему ответил  
что пела в цель летящая стрела*

*тот нежный зверь с его касаньем робким  
что камень рек? в ответ в безмолвье  
счастливым плач разбитого стекла*  
знобком



*Сосущее дитя быка, дитя кота, дитя  
собаки.*

*Я пес. Сосут мои щенки-кусаки.  
Я волк. Сосет мой выводок в лощине.  
Мы все млекопитающие ныне.  
Кто рыщет, кто крадется, кто косится?  
Вынюхивает след в траве лисица,  
петляет заяц и уводит от беды.  
Да, я отец. Я спутаю следы.  
Все стадо — круговой порукой и опекой,  
чтоб защитить питающую млеко.  
Пора разгневанных быков и крепкого  
копыта.*

*Детеныш слаб. Отец его защита.  
Мать медведица —  
млекопитающее,  
оттого и медведь отец  
в млекопитающие зачислен.  
И самец косули  
и еж ежихин  
награждаются этим титулом.*

*Соплеменники, соучастники,  
когда сосет сосунок.  
Только тронь —  
дыбом шерсть и зубы в горло.*

Моя ли звезда  
упала







*Моя ли звезда упала,  
мое ль раскололось имя?  
В мир явился теленок,  
коровье нащупал вымя.*

*К счастью, и мне не дремалось,  
что-то творилось со мною.  
Шло сотворение мира  
в хлеву за стеною.*

*Все в мире жило и дышало,  
творилось всеобщее чудо —  
зверюхи, лягухи и птахи  
рождались, теснились повсюду.*

*Корова жевала с достоинством,  
корова мудро молчала.  
Хотелось еще раз родиться,  
чтоб все сначала.*



*Днем я сплю  
и вижу во сне, как они работают,  
и вины не чувствую  
и лентяя не праздную.  
Я ночью выращиваю слова,  
таково мое предназначение,  
из огромного стада подтекстов  
свою вывожу породу.*

*Наевшись днем,  
ночью корова жвачку жует.  
Ночь — желудок,  
осмысливающий  
все, что днем заграбастал  
неразборчивый, жадный  
ненасытный язык.  
Луг спит и косцы уснули.  
Трудится ночь.*



*Лиловый цветок картофеля,  
чертово яблоко, дурман, белена —  
все пасленовые, полуночники,  
ночью мои единомышленники.  
Откуда эти гольши, эти клубни,  
эта семья у корней?  
Из ноченьки, невидимки,  
непрогляди.*



*На троне Индра восседал великий  
и двое рядом — боги и владыки,  
и восемь хранителей мироздания, и  
сорок девять марутов — божеств  
ветра, бури и молний, и сыновья  
Земли — коровы Притхиви, и восемь-  
десять восемь тысяч мудрецов —*



*Черный кубик катаю в квадрате пустом —  
вероятность судьбу указывает перстом.*

*Угощаю убийцу за белым столом —  
вероятность меня осеняет крылом.*

*Сладкоречье отраву сластит за спиной —  
вероятность расправу вершит надо мной.*

*Я швыряю монетку, ловлю на бегу,  
сколько за, сколько против — сказать  
не могу.*

*В этом смысл протяженности — равный  
итог,  
разгадал человек этот высший намек.*

*Может, в этом разгадка всего бытия —  
отчего — ни бессмертья, ни всласть жития:  
если только продлить человеческий путь,  
все сравняется вмиг. Ни судьбу упрекнуть,  
ни за счастьем гоняться, ни звать, ни  
гореть.*

*Всем одно без усилий достанется впредь.*

*Может, в этом и спрятана тайна земли —  
наши сроки земные продлить не смогли,*

*чтоб надеждою жить, чтобы чахнуть  
с тоски,  
оттого нам неравные делят куски.*

*Угрожай, проклинай, умоляй и божись —  
коротка, коротка, коротка наша жизнь.*

*Не успеть уравнивать — мир устроен хитро —  
на весах справедливости зло и добро.*

*О Корова,  
бездонен небесный сусек,  
удлини, удлини человеческий век!*



*Вдруг смысл теряет мое поклонение вечное  
корове. Течет равнодушие млечное.*

*Вокруг — огромное равнодушие,  
ни оскомины, ни отдушины,  
ни опасения за поле осеннее,  
ни соломинки —  
во спасение.*

*Равнодушен вечер несносный  
и в конском яблоке  
жук навозный.*

*И мед равнодушные осы воруют уныло.  
И нож равнодушно кусает точило.*

*И источает бездушно румянец недужный  
осенний клен. И душат меня равнодушно.*

*И светит светило умеренно, себя  
не растрачивая.*

*Я — единственный —  
страницу переворачиваю.*

*Бездушны — и воздух отравленный  
и чистый воздух  
таинственный.*

*Я человек, я против —  
один на один с равнодушием —  
— я единственный.*

*Природа — сплошной зеленый и темный  
сон,*

*и редки костры,  
хранители света в дремучем безвестьи.  
Человек. Миллиард-другой. И еще  
латышей миллион,  
сто Анн среди них, сто Илдз,  
и Юрисов — двести.*





Черемуху вырвали,  
ой, ой, с корнем да из земли родимой,  
посадили черемуху,  
о горе мое, на краю света.

На краю света —  
не жаль мне, пусть растет черемуха  
с девятью ветвями!

И все же  
под яблоневым цветом

я говорю:  
копай, лопата, землю, здесь деревце сажай,  
чтоб привязать коня,  
чтоб род свой привязать и — крепко —  
родину свою!

О запах увяданья,  
ветвь срубленная украшает вход,  
но корни — кто о корнях подумал?  
О детки наши ветки!

За что же  
мне уцепиться в половодье, как лодку  
привязать?

На солнцепеке  
жевать свой подорожник-хлеб?  
Где тень?

*Сажайте дерево!  
Ломает плод родную ветвь,  
ломает висельник свой сук,  
где дерево растет, там треск стоит.*

*Сажайте дерево,  
ведь саженцы — хвостатые кометы,  
вонзаясь в землю, звезды  
творят историю и веру, и легенды.*

*На зорьке,  
на зорюшке взлетает солнышко на иву  
алую,  
а юноша,  
кто это дерево ушел искать, уже старик.*

*Все верно, пусть —  
там в дальней дали древо-зареве,  
но ведь и здесь  
без дерева не жить.*

*Вернется молодец,  
где дома привязать коня? Где коновязь —  
один кустарник-недомерок  
да пустырник.*

*Не обдели, о боже,  
когда я поплетусь из кабака,  
оставь мне деревце,  
мне деревце, чтоб удержаться.*

## СТОЛ

*Великое сознание — ты САМ.  
САМ во главе стола отец. Ян, не вихляйся:  
сперва колено вывинтишь, гляди,  
а там, кривляка, вывихнешь и челюсть.  
А хлеб! Как ты кладешь ломоть! Ну где  
ты видывал плуг лемехом наружу,  
корову вверх ногами и корабль  
вверх днищем? Положи ломоть как надо.*

*Сторожевая башня — стол. С той вышины  
мы видим мир, когда мы все едины.*

*С того конца стола, где Лате села,  
безумный Ека виден — сквозь года,  
в далекой дали, глубоко-глубоко,  
на скрипке он играет, как всегда,  
а карий глаз его — у сына Латы,  
как бархатец средь синей пестроты.*

*А Юрис видит с места своего  
поляка — матери моей он отчим —  
в голодный год вдове явился ангел  
и от голодной смерти спас детей,  
и хлеб волок домой ползком по снегу.*

*Брат брата расстрелял. И вправду,  
Мик  
на роковое место сел. Сидели  
и алая звезда и черный крест  
у нашего стола. А Мик? Он молод,  
но он поймет — от века навсегда  
звезда обозначает человечность.*

*И мир и стол — четыре стороны.  
И с четырех углов лютует ветер.*

*Наш общий стол — наш духовитый  
крендель,  
по крошечке отщипывает люд.*

*Кто мир накормит, кто насытит мир?  
Семья. Она бессмертна и бессменна,  
все прочее хоть вылети в трубу.*

*Она жива, в ней тайна возрожденья.*

*Отщипывают крендель по кусочку...  
Из сердцевины вырастает стол.  
Сродни долгоиграющей пластинке —  
Края обгрызло время, только центр  
кружится, песню сызнова заводит.  
Поймите верно — все наоборот,  
песнь в центре зарождается. Все  
в жизни*

*от сердцевины к краю, не иначе,  
все — от стола, все разрушает стол,  
но в центре САМ, он удержатъ обязан.  
Так в центре начинается спираль  
и вьется — и неведомо откуда.*

*Стоит сторожевая башня — стол,  
мы, заблудившись, с нею путь сверяем.*



*О эта хворь — беречь и опекать...  
Заботиться и собирать в дорогу...  
И глаз потом с дороги не спускать...  
О, только смерть излечит ту хворобу.*

*А той наимудрейшей из планет,  
а той звезде в созвездье Водолея —  
не может быть, что им и дела нет,  
добрей мы, беззаботней или злее.*

*Такое предчувствие: быть не может,  
что там мне не позволят печься о свете,  
рассаживать его и возделывать, и, пот  
утирая, воду таскать и поливать солнце,  
не перегрелось бы.*

*Не может быть, что во тьму не  
удастся вживить хотя бы одно окно.  
Не может быть, что я не увижу в это  
окно нечто такое — и в изумленье  
застыну.  
Ах! едкий пот мне глаза ел —  
я хорошо вижу.*

*Я был на выучке у большой заботы,  
я и там буду сеятель.*



*Покуда рыж, как медь,  
теленки в рыжем чреве,  
вы можете успеть,  
вы можете посметь.*

*И в треснувший кувшин  
цветок вселите снова,  
и в скованность души —  
несказанное слово.*

*Наполнить ваш черед  
и дом, и путь ваш млечный,  
и землю, и народ —  
непреходящим, вечным.*

*Покуда изнутри  
ночь тушью звезды метит —  
спешите сотворить  
чего и нет на свете.*



*Плюхнулся я в дерновину,  
в паклю жнивья —  
земля приняла меня  
в свои сыновья.*

*В колосках и травинках  
путались пальцы —  
земля приняла меня  
в сострадальцы.*

*Дали рубаху белую,  
пояс потуже  
стог навиваю —  
назначили мужем.*

*Роса за туманом, туман за росой,  
дни, ночи —  
вот я отец,  
вот я отче.*



*Теперь твоя очередь, —  
твержу я сыну.  
Откуда ты взялся,  
шлепнулся в дерновину?*



*О хляби, хляби родные,  
черное тесто болота!  
Березы святы, земные,  
органных труб позолота.*

*Не забыть, не обидеть  
листка золотую повесть.  
Мог не писать, да не выйдет,  
имей совесть.*

## СОДЕРЖАНИЕ

*Освалдс Кравалис. Поэма нескончаемая 7*

### МАТЬ

*Но главная в моей поэме — мать 13*  
*И смысл и суть моей поэмы — мать 15*  
*Вернее, вот начало поэмы 17*  
*Давным-давно заметил я ее 18*  
*Да, это, понял я, была мадонна 20*

### НЕЗРИМЫЙ ЗНАК ДОСТОИНСТВА И СИЛЫ

*Я встретил осенью ее на рынке 25*  
*В чащобе Ригведы я встретил святого 28*  
*Что значит — в городе захотеть молока 32*  
*Dikte — в древней древности — дочь 32*  
*И ястреб мне рассказывал всю зиму 34*

## MATER

- Я хочу молока 37*  
*Матерь Яниса 38*  
*Матерь Пчел 39*  
*Соседская мать 40*  
*Мать с детьми от многих мужей 40*  
*Матерь Шмелей 41*  
*Мать — Узница концлагеря 42*

## АПРЕЛЬ

- земля в дымке 45*  
*Я шел за ней по пятам 46*  
*Я шел в чужую дверь бесцеремонно 47*  
*Брат гложет кость, и шкурою сестра 49*  
*Никого я так не любил, ни малину тонкую 50*  
*Мать, я за нею шел. Ни разу в жизни 50*

## МУРАВОЙ БРЕЛИ КОРОВЫ

- Весна пришла, нарядна и чиста 53*  
*Весна, как нежданно нагрянувшая сваха 54*  
*Илдзе застигнуть врасплох 54*  
*Только Каспар медлил, как яшень, листьев не знал 55*  
*Весна, повторяю, уже наступила, черемуха рас-  
цвела 55*  
*Мотылек 55*  
*Одуванчики зацветают, когда у дубов появляются  
листья 56*  
*Вертишейка проверещала ровно четырнадцать раз 56*  
*У бабушки сломалась 57*  
*Из земли полезла крапива, сказала Ундине 57*

*О чем вы тут все толкуете 57*  
*Утром 58*  
*Я вышел из дому 58*  
*На ферме 59*  
*Муравой брели коровы 61*  
*Илдзе мне пишет письма 62*  
*Как окрестим тебя, коровушка, кровинушка 65*  
*Яна просила вчера научить ее 66*  
*Елки-палки, возмущается Эйдис 66*  
*Говорят, возле ислицкой мельницы 67*  
*Лежат у мельниц жернова 67*

## СЕГОДНЯ БУДЕМ ЛОВИТЬ ОБЛАКА

*Свекольные листья 71*  
*Не ленив ливень, хлещет 71*  
*Картофель цветет 72*  
*Цветок картофеля 72*  
*У Милды один разговор 73*  
*Дети гороха празднуют 74*  
*Почему — неизвестно 74*  
*В колхозной столовой 75*  
*Старуха родоначальница 75*  
*Смотрю, как Алина мочет подоюшки 76*  
*Она и так уж была вроде драной козы 76*  
*Говорят, латыши скуповаты 77*  
*Паулине за пятьдесят 78*  
*Сегодня, — Аннеле я сообщаю 78*  
*Все — бегом и сломя голову 79*  
*Слушаю голос кукушки 80*  
*Только дикий голубь кручинится 80*  
*Ласточки как конторщицы 81*  
*До краев полна Земгале 82*

## СЕМЬИ КАК ДЛИННЫЕ ЛОДКИ

- И вправду, если уж мы игла 85*  
*Бабушка 85*  
*Семьи как длинные лодки в лагунах вечности 86*  
*Вечером 87*  
*Хутор «Цинтыни» жил без огня 88*  
*На хуторе «Дагли» две одуревшие мухи 89*  
*А «Тупениши» 89*  
*Зато процветают «Бриедиши» 90*  
*Гундар пьет Гурджани 90*  
*На хуторе «Межмики» дети 91*  
*А Румбенис пребывает в уверенности 92*  
*Родился 92*

## ПЕРЕВЕРТЫШ-ВЕТЕР, ВЕТЕР-ОБОРОТЕНЬ

- вечер словно лягушка 97*  
*Не затвердели ржаные колосья 98*  
*Горько флоксы цветут 98*  
*Похоже, Даце в эту ночь родит 100*  
*Она опускает голову ниже 105*  
*К солнцу деревья привыкли 106*  
*Подкладочно-изнаночный ветер 107*  
*Спокойное поле ржаное разбушевалось 108*  
*Ясно одно — не существует пустого воздуха 108*  
*Ни малейших сомнений 109*  
*Земля мертва 110*  
*Бабушкины слова 110*  
*Сохранить, сохранить, сохранить 111*

*А в Латвии осень 111*  
*Так пугающе ясен зеленый покой 113*  
*Озабочен Месяц — задует фонарь 114*  
*Ели вырезаны из черной бумаги 114*  
*Мимо идет тыквеноч 115*  
*Илдзе прислала письмо 115*  
*Низко по краешку сентября 116*  
*Смерти ли знак 117*

### *ПРЕКРАСНЫЙ УЖ С УШАМИ ЗОЛОТЫМИ*

*У Маружи, говорят, корова заколдованная 121*  
*Я знаю заговор 122*  
*А у дедушки цветок на козырьке 123*  
*Ука корове своей 125*  
*И ликом к лицу встает полнолуние 126*  
*А злыдни все копят завиду 128*  
*В той островерхой хижине 128*

### *СОТВОРЕНИЕ МОЛОКА*

*Мглу молока 135*  
*В царстве скатерти-самобранки 135*  
*Сотворение молока 136*  
*Силинь слушал сводку известий 137*  
*Божья коровка 139*  
*А если вспомнить и признаться 140*  
*тот нежный зверь 141*  
*Сосущее дитя быка 142*

## *МОЯ ЛИ ЗВЕЗДА УПАЛА*

*Моя ли звезда упала 145*

*Днем я сплю 146*

*Лиловый цветок картофеля 147*

*На троне Индра восседал великий 147*

*Вдруг смысл теряет мое поколение вечное 150*

*Дерево 152*

*Стол 155*

*О эта хворь — беречь и опекать 157*

*Покуда рыж, как медь 158*

*Плюхнулся я в дерновину 159*

*О хляби, хляби родные 160*

ИБ № 3959

Имант Зиедонис

ПОЭМА О МОЛОКЕ

Редактор В. Семенова. Художественный редактор А. Егер. Технический редактор Г. Слелкова. Корректор А. Савина.

Сдано в набор 01.09.82. Подписано в печать 31.12.82. Формат 60×90/32. Офсетная бумага № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. 5,25 усл. печ. л. 6,31 усл. кр. отт.; 4,27 уч.-изд. л. Тираж 8000 экз. Заказ № 1309-3. Цена 55 коп. Издательство «Лиезма», 226047 Рига, бульвар Падомью, 24. Изд. № 374/31374/P-5. Отпечатано в типографии «Циня» Государственного комитета Латвийской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 226011 Рига, Блауманя, 38/40.



- Зиедонис И.**  
З-596 Поэма о молоке: [Стихи]/Пер. с латыш. Л. Азаровой; предисл. О. Кравалиса. — Р.: Лиесма, 1983. — 165 с.

В своей поэме народный поэт Латвии затрагивает важнейшие нравственно-этические проблемы, пишет о неразрывной связи между всем сущим, о великой миссии матери, о любви к родной земле как важнейшем критерии нравственности.

З 70403—374  
М801(11)—83 83.4702340200

L2  
84L7

